Продается:

НѢМЦЫ И ДУНАЙ.

ЖУРНАЛЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

ПИСЬМО КЪ НАСТАВНИКУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

О ПРИМИРЕНІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЪ РИМСКОЮ.

Печатаются:

КАРАМЗИНЪ И СПЕРАНСКІЙ.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА РОСТОПЧИНА.

V.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. И ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Изъ Записокъ Графа Ростопчина.

Всѣ окружавшіе Императрицу Екатерину увѣряли, что пропзшествія во время пребыванія Шведскаго Короля въ С. Петербургѣ суть главною причиною послѣдовавшаго Ей удара 7. Ноября 1796 года, въ тотъ самый день, когда назначенъ и отмѣненъ былъ сговоръ Великой Княжны Александры Павловны. — По возвращеніи Графа Маркова отъ Шведскаго Короля съ рѣшительнымъ его отвѣтомъ, что онъ, на сдѣланное ему предложеніе, не согласится, Императрицу такъ сильно сіе поразило, что Она не могла выговорить ни слова и съ отверзтымъ ртомъ осталась нѣсколько минутъ, доколѣ Камердинеръ Ея Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, принесъ и подалъ выпить Ей стаканъ воды, но послѣ сего случая, въ теченіи 6 недѣль, не примѣтно было ни малѣйшей перемѣны въ Ея здоровьѣ. — За три дня до кончины сдѣлалась колика, но чрезъ сутки прошла. — Сію болѣзнь Императрица никакъ не признавала себѣ вредною. — Наканунѣ удара, т. е. съ 6. числа на 7., она обыкновенно

принимала свое общество въ опочивальнѣ, разговаривала очень много о кончинѣ Сардинскаго Короля и стращала смертію своего Льва Александровича Нарышкина. — 7. числа, когда Марья Савишна Перекусихина, вошедъ по обыкновенію въ 7 часовъ утра къ Императрицѣ для буждения, спросила каково, она почивала? получила въ отвѣтъ, что давно такой пріятной почи не проводила, и за симъ Государыня, вставъ съ постели, одѣлась, кушала потомъ кофе и побывъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ, пошла въ гардеробъ, гдѣ она никогда болѣе 10 минутъ не оставалась. — По выходѣ же оттуда обыкновенно спрашивала Камердинеровъ для приказанія звать къ Себѣ входящихъ ежедневно съ дѣлами. — Въ сей день, не выходя слишкомъ полчаса, Камердинеръ Тюльпинъ подумалъ что Она пошла гулять въ Эрмитажъ и сказалъ о томъ Зотову; но потомъ, посмотря въ шкафъ, гдѣ лежали шубы и муфты Императрицы, которыя Она сама всегда вынимала и надѣвала, не призывая никого изъ служащихъ и видя что все тутъ на лицѣ, пришелъ въ безпокойство и по обождавъ еще нѣсколько минутъ, рѣшился идти въ гардеробъ — что и исполнилъ. — Отворивъ дверь, нашелъ Императрицу, лежавшую на полу, но не всѣмъ тѣломъ, потому что мѣсто, бывъ узко, и дверь затворена, то она не могла опуститься на полъ. Приподнявъ Ея голову, нашелъ глаза закрытыми, цвѣтъ лица багровый и хрипоту въ горлѣ. — Призвавъ къ себѣ на помощь Камердинеровъ, долго не могли они поднять тѣла по причинѣ тягости и отъ того, что одна нога подвернулась; наконецъ, употребивъ еще комнатныхъ служителей, съ великимъ трудомъ перенесли Ее въ опочивальню, но не будучи въ состояніи поднять тѣла на кровать, положили на полу на сафьянномъ матрацѣ. — Тотчасъ, послали за Докто-

рами. Князь Зубовъ былъ извѣщенъ первый, первый и потерялъ разсудокъ и немогъ допустить дежурнаго лѣкаря пустить Императрицѣ кровь, хотя о семъ убѣдительно просила его Марья Савишна Перекусихина и Камердинеръ Зотовъ. Между тѣмъ прошло съ часъ времени, первый изъ Докторовъ пріѣхалъ Рожерсонъ, пустилъ въ туже минуту кровь, которая хорошо и пошла. Къ ногамъ приложилъ шпанскія мухи, но бывъ однакоже съ прочими Докторами одного мнѣнія, что ударъ былъ въ голову и смертельный. — Не смотря на сіе, до послѣдней минуты Ея жизни, приложены были всѣ старанія; искуство и стараніе не переставали дѣйствовать. Великій Князь Александръ Павловичъ пошелъ въ то время гулять пѣшкомъ къ Великому Князю Константину. Отъ Князя Зубова и отъ прочихъ знаменитыхъ особъ посланъ былъ къ Наслѣднику съ извѣстіемъ Графъ Зубовъ; а первый кто предложилъ и нашелъ это нужнымъ былъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. — Въ тотъ самый день Великій Князь Наслѣдникъ кушалъ на Гатчинской мѣльницѣ, отъ замка въ 5 верстахъ. — Предъ обѣдомъ, когда собрались дежурные и прочія особы, общество Гатчинское составляющія, Великій Князь и Великая Княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, Графу Віельгорскому и Камергеру Бибикову случившееся съ ними тою ночью. Великій Князь Наслѣдникъ видѣлъ во снѣ, что нѣкая невидимая сверхъ-естественная сила возносила Его къ небу, отъ чего Онъ часто просыпался, засыпалъ и опять былъ пробуждаемъ повтореніемъ того же сна. — Наконецъ, пробудясь еще разъ и примѣтивъ что и Великая Княгиня не почивала, сообщилъ Ей о своемъ сновидѣніи и узналъ, къ общему ихъ удивленію, что и Она тоже самое во снѣ видѣла и тѣмъ же самымъ нѣсколько разъ была про-

буждаемъ. — По окончаніи обѣденнаго стола, когда Великій Князь со свитою возвращался въ Гатчино, въ началѣ 3. часа, присналъ къ Нему на встрѣчу одинъ изъ Его гусаръ для извѣщенія о пріѣздѣ въ Гатчино Шталмейстера Графа Зубова съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Великій Князь приказалъ скорѣе ѣхать и не могъ никакъ представить себѣ истинную причину появленія Графа Зубова въ Гатчино и останавливался болѣе на одной мысли, что Государыня извѣщаетъ Его, что Король Шведскій рѣшился требовать въ замужество Великую Княжну Александру Павловну. По пріѣздѣ въ Гатчинской Дворецъ, Графъ Зубовъ былъ позванъ къ Нему въ Кабинетъ и объявилъ о случившемся съ Императрицею, разсказавъ всѣ подробности; послѣ чего Великій Князь приказалъ наскорѣе запречь лошадей въ карету и, сѣвъ въ оную съ Великою Княгинею, отправился въ С. Петербургъ а Графъ Зубовъ поскакалъ напередъ въ Софію, заготовлять лошадей.

Пока все сіе происходило Петербургъ еще не зналъ о приближающейся кончинѣ Императрицы Екатерины. Бывъ въ Англійскомъ магазинѣ, я возвращался пѣшкомъ домой, прошелъ было Ермитажъ, но вспомнивъ, что на завтра отъѣзжалъ въ Гатчино, вздумалъ зайти проститься съ Анною Степановною Протасовой, Вошедъ въ ея комнату, увидѣлъ дѣвицу Полетику и одну изъ моихъ свояченицъ въ слезахъ; онѣ сказали мнѣ о болѣзни Императрицы и были встревожены первымъ извѣстіемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже какъ пошла въ комнаты Императрицы и я послалъ за нею одного изъ лакеевъ, дабы узнать обстоятельнѣе о происшедшемъ. Ожидая возвращенія посланнаго, увидѣлъ я вошедшаго въ комнату скорохода Великаго Князя Алек-

сандра Павловича, который сказалъ мнѣ что онъ былъ у меня въ домѣ, прислалъ отъ имени Великаго Князя, чтобы я пріѣхалъ къ Нему скорѣе. Исполняя волю Его, немедленно встрѣченъ былъ въ комнатахъ Камер-динеромъ, который, прося меня обождать скораго возвращенія Его Высочества, сказалъ что Императрицѣ сдѣлался сильный параличный ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды, и, можетъ, въ сію минуту и не въ живыхъ болѣе. — Спустя минутъ 5 пришелъ къ себѣ и Великій Князь. Онъ былъ въ слезахъ и черты лица Его представляли великое душевное волненіе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, Онъ спросилъ знаю ли я о произшедшемъ съ Императрицею? На отвѣтъ мой, что слышалъ отъ Парланта, Онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды къ спасенію никакой не было и послалъ убѣдительно ѣхать скорѣе къ Великому Князю Наслѣднику для извѣщенія, примолвя къ сему, что хотя Графъ Зубовъ поѣхалъ въ Гатчино, но что я отъ имени Его могу лучше разсказать о семъ несчастномъ произшествіи. Доѣхавъ домой на извощикѣ, велѣлъ я запречь маленькіе сани въ три лошади и въ часъ прискакалъ въ Софію; тогда уже было 6 часовъ по полудни. Перваго тутъ видѣлъ Шталмейстера Графа Зубова, который, возвратясь изъ Гатчина, шумѣлъ съ какимъ то человѣкомъ, приказывая ему скорѣе вести лошадей. Хотя было и не до смѣха, однакожь тутъ я слышалъ нѣчто странное. — Этотъ человѣкъ, который шумѣлъ съ Графомъ Зубовымъ, былъ пьяный Засѣдатель. — Когда Графъ Зубовъ, по старой привычкѣ обходиться съ гражданскими чиновниками наровнѣ съ свинь-ями, кричалъ ему: „лошадей! лошадей! тебя запрягу подъ Императора?“ тогда Засѣдатель, весьма манерно, пополамъ учтиво и грубо, отвѣчалъ: „Ваше

Сіятельство! запречь меня же не диковинка, какая польза? вѣдь я не повезу, хотя до смерти извольте убить! Но что такое Императоръ? . . . Если онъ есть въ Россіи, то дай Богъ ему здравствовать, если же Матери нашей не стало — то Ей виватъ?“ — Пока шумѣль вѣстникъ съ Исправникомъ, прискакалъ верьхомъ конвойный офицеръ Маіоръ Быковъ, и только что остановилъ лошадь свою, показались фонари экипажа съ 7 лошадьми, въ коемъ скакалъ Великій Князь. — Когда карета остановилась и я, подошедъ въ оной, сталъ говорить, то Великій Князь, услыша мой голосъ, закричалъ: Ah! c'est vous mon cher Kostopchine!“ — и за сими словами, вышелъ изъ кареты, сталъ разговаривать со мною разспрашивая подробно о произшедшемъ. — Это продолжалось до того времени, какъ сказали что все готово; садясь въ карету, сказалъ мнѣ: „faites moi le plaisir de me suivre; nous arriverons ensemble. j'aime a Vous voir avec moi!“ — Сѣвъ въ сани съ Быковымъ, я поскакалъ за каретою. — Отъ Гатчина до Софіи встрѣтились съ Великимъ Княземъ 5 или 6 курьеровъ, всѣ съ однимъ извѣстіемъ къ нему отправленныхъ отъ Великихъ Князей, отъ графа Салтыкова и прочихъ. И какъ они всѣ были съ записками, то я, узнавъ сіе, напередъ изъ Софіи велѣлъ взять фонарь съ свѣчею, на случай, если еще будутъ письма изъ С. Петербурга, то чтобы можно было читать ихъ въ каретѣ; однакожь, письма ни одного не было, а попались на встрѣчу около 20 человѣкъ разныхъ посланниковъ коихъ мы, ворочая назадъ, составили предлинную свиту саней. Не было ни единой души изъ тѣхъ кои дѣйствительно или мнительно имѣли какія либо сношенія съ окружающими Великаго Князя, которые бы не отправили нарочнаго съ извѣстіемъ въ Гатчино, и между

прочимъ одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ нашли курьеровъ и тоже послали вѣстниковъ. Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, Великій Князь вышелъ за надобностію изъ кареты. Я привлекъ Его вниманіе на красоту ночи: она была самая тихая и свѣтлая, холоду было не болѣе 3. градусовъ, луна то показывалась, то опять скрывалась за облака; казалось, что въ ожиданіи столь важной перемѣны въ свѣтѣ, стихіи всѣ пребывали въ молчаніи и царствовала единая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ что Государь устремилъ взглядъ свой на мѣсяцъ и при полномъ сіяніи могъ я замѣтить что глаза Державнаго наполнялись слезами и текли по лицу. Преисполненъ бывъ важностію сего дня, преданный сердцемъ и душою, тому кто восходитъ на Тронъ Россійской, любя Отечество и представивъ себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое вліяніе надъ чувствами преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ самовластнаго Государя отвыкшаго владѣть самимъ собою, я не могъ воздержатся отъ повелительнаго движенія и забывъ разстояніе между имъ и мною, схватя Его за руку, сказалъ: „Monseigneur, quel moment pour Vous!“ — На что онъ отвѣчалъ пожавъ крѣпко мою руку: „Attendez, mon cher, attendez; j'ai vécu 42 ans, Dieu m'a soutenu, peut être me donnera-t-il les forces, la raison, pour supporter l'état auquel il me destine; j'espère tout de sa bonté!“ — Тотчасъ сѣлъ въ карету а въ $8^1/_2$ часовъ по полудни Великій Князь въѣхалъ въ С. Петербургъ, въ коемъ весьма мало людей знало о произшедшемъ. Дворецъ весь былъ наполненъ всѣкаго рода и званія людьми, кои должностью, страхомъ или любопытствомъ бывъ собраны вмѣстѣ, всѣ съ трепетомъ ожидали окончанія одного долговременнаго Царствованія для вступленія въ другое, совсѣмъ новое!..

До пріѣзда Великаго Князя, всякой кто хотѣлъ, поступнутый жалостью или любопытствомъ, входили въ ту самую комнату, гдѣ лежало едва двигающее тѣло Императрицы. Вопросы повторялись то о часѣ кончины, то о дѣйствіи лекарствъ, то мнѣнія Докторовъ. — *Всякой разсказывалъ разное, однакожь общее желаніе* было имѣть хотя слабую надежду на Ея выздоровленіе. Вдругъ пронесся слухъ, что Государыня будто при отнятіи шпанскихъ мухъ, открыла глаза и проспла пить, — всѣ обрадовались. — Но потомъ черезъ минуту возвратились всѣ къ прежней мысли, что ожидать инаго не оставалось, кромѣ часа Ея кончины! — *Великій Князь*, зашедъ на минуту въ свою комнату въ зимнемъ Дворцѣ, пошелъ на половину къ Императрицѣ; проходя сквозь комнаты, наполненныя людьми ожидающими восшествія Его на престолъ, оказывалъ всѣмъ видъ ласковый и учтивый. Пріемъ, Ему сдѣланный, былъ въ лицѣ уже Государя а не Наслѣдника. — Поговоря нѣсколько съ Медиками и разпрося обо всѣхъ подробностяхъ происшедшихъ пошелъ съ Великою Княжною въ угольный Кабинетъ и туда призвалъ всѣхъ тѣхъ, съ коими хотѣлъ разговаривать или коимъ приказывать. На разсвѣтѣ, 24 часа спустя послѣ удара вошелъ Великій Князь въ почивальню гдѣ лежало тѣло Императрицы — сдѣлалъ вопросъ Докторамъ, имѣютъ ли они надежду? и получа въ отвѣтъ что никакой, приказалъ позвать въ комнату Преосвященнаго Гавріила съ Духовенствомъ, читать глухую исповѣдь и причастить Св. Тайнъ; что и было исполнено. — Потомъ, *позвавъ меня въ* кабинетъ, изволилъ сказать: „Я тебя совершенно знаю каковымъ ты есть и спрашиваю чтобы ты откровенно сказалъ, чѣмъ ты при Мнѣ быть желаешь?“ — Имѣя всегда въ виду истребленіе неправосудія, не оста-

навливаясь ни мало, сказалъ я: „Секретаремъ для пріема просьбъ!“ — Великій Князь, позадумавшись, сказалъ: „Тутъ я не найду своего счета! знай что я назначаю тебя Генералъ-Адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять по Дворцу съ тростію, а для того чтобы ты правилъ Военною коллегіею!“ — Молчаніе было моимъ отвѣтомъ, хотя мнѣ и не хотѣлось быть опять въ военной службѣ, но непристойно отказать первую милость, кого входящій на престолъ Государь собственнымъ уваженіемъ мнѣ оказалъ. — Потомъ съ четверть часа разговаривалъ онъ съ камердинеромъ Нелидовымъ, вѣроятно, о тетиѣ его Екатеринѣ Ивановнѣ, которая столь важную роль играла до возшествія и послѣ возшествія Императора Павла на Престолъ. Она уже 8 мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорясь съ Великимъ Княземъ въ Гатчинѣ. — Между тѣмъ мы ежеминутно ожидали конца жизни Императрицы и Дворецъ наполнялся болѣе всякаго званія людьми. — Гр. Безбородко болѣе 30. часовъ не выѣзжалъ изъ Дворца. Онъ былъ въ отчаяніи: неизвѣстность службы, страхъ быть подъ гнѣвомъ новаго Государя и живое воспоминаніе благотвореній умирающей Императрицы — наполняли глаза его слезами, сердце, горестью, духъ ужасомъ! Раза два о немъ Р. говорилъ умилительнымъ голосомъ что онъ надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250 т. дохода и единой просить милости быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія. — При семъ, соболезнуя, прослъ о Трощинскомъ, который былъ его твореніе, сказывая, что уже 7 дней какъ указъ о производствѣ его въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники подписанъ, но не отосланъ Грабовскимъ въ Сенатъ. Вошедъ къ Великому Князю и отвѣчая на вопросъ его, что̀ дѣлается во Дворцѣ? — я нашелъ

удобнымъ описать отчаяніе Гр. Безбородки и положеніе Троцинскаго. Тутъ я получилъ повелѣніе увѣрить Гр. Безбородко, что Великій Князь не имѣетъ никакого особеннаго противъ него неудовольствія, но и проситъ его забыть все прошедшее, и что Онъ считаетъ на его усердіе, зная довольно дарованія и способности его въ дѣлахъ. — Указъ же о пожалованіи Троцинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ Сенатъ. — Грабовскій, въ видѣ человѣка, желающаго изчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ его, сказавъ что не онъ виноватъ, а Князь Зубовъ который не приказывалъ отсылать Указа. — Великій Князь позвалъ Графа Безбородко, приказалъ ему заготовить Манифестъ о восшествіи на престолъ, а мнѣ препоручилъ написать Князю Алексѣю Борисовичу Куракину, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ въ С. Петербургъ. — Я въ своемъ письмѣ далъ ему знать объ отчаянной болѣзни Императрицы, отправилъ оное съ курьеромъ. — Въ часъ собрали въ корридорѣ за спальнею столъ, за коимъ Великій Князь и Великая Княгиня кушали двое. Въ три часа по полудни приказано было Вице Канцлеру Гр. Остерману ѣхать къ Гр. Маркову, собрать всѣ его бумаги, запечатать и привезти: но, не знаю почему Гр. Остерманъ вздумалъ, что препорученіе привезти бумаги заключало въ себѣ обязанность внести оныя самому, и какъ онѣ были завязаны въ двѣ скатерти, то онъ сквозь всѣ комнаты Дворца, тащилъ эти двѣ кипы бумагъ, точно какъ дѣти, играя, таскаютъ не въ силу нагруженные, маленькіе салазки. Великій Князь, отдавъ мнѣ свою печать, которую нашивалъ на часахъ, приказалъ вмѣстѣ съ Гр. Самойловымъ запечатать кабинетъ Императрицы. — Тутъ я имѣлъ еще два доказательства глупости и подлости

Александра Николаевича: быв съ нимъ сперва знакомъ и любимъ, попалъ послѣ подъ гнѣвъ за то что сказалъ предварительно о судьбѣ моей Гр. Безбородкѣ, прежде его, но видя мой новый доступъ и какъ вздумалъ сдѣлать изъ меня опять себѣ друга и стряпчаго, началъ увѣрять въ своей признательности и разсказывать о гоненіяхъ кои онъ претерпѣлъ отъ Императрицы (которую онъ называлъ уже покойною), за то что представилъ къ награжденію какого-то Гатчинскаго лѣкаря, и ничто меня такъ не удивило, какъ его предложеніе, для лучшаго и точнаго исполненія приказанія Великаго Князя въ запечатаніи вещей и бумагъ, находящихся въ кабинетѣ, чтобы сдѣлать прежде всему описъ. Согласясь однакожъ со мною, что на сіе потребно нѣсколько недѣль и писцовъ, мы завязали все что было на столахъ въ салфетки, положили въ большой сундукъ, и по дверямъ приложили ввѣренную мнѣ печать. Великій Князь приказалъ Оберъ Гофмаршалу Князю Барятинскому ѣхать къ себѣ въ домъ, должность же его поручилъ Гр. Шереметеву а Гофмаршалами назначилъ Графовъ Тизенгаузена и Вѣльгорскаго. Съ 5 часовъ по полудни въ тѣлѣ Императрицы слабость пульса сдѣлалась гораздо примѣтнѣе; раза 3 или 4 Доктора думали что послѣдуетъ конецъ; но крѣпость сложенія и множество силъ, борясь съ смертію, удерживали и отдаляли ея ударъ. Тѣло лежало въ томъ же положеніи на сафьянномъ матрацѣ, недвижно съ закрытыми глазами. — Сильное хрипѣніе въ горлѣ слышно было въ другой комнатѣ, кровь вся поднималась въ голову и цвѣтъ лица иногда былъ багровый а иногда какъ самый живой румянецъ. У тѣла, по перемѣнно стояли на колѣняхъ придворные лѣкаря, которые ежеминутно вытирали платками текущую изъ рта сперва желтую

подъ конецъ черноватую матерію. — Въ комнатѣ, исключая камилій Императорской, внутренней услуги и факультета, была во все время Камеръ-Фрейлина Анна Степановна Протасова, погруженная въ горесть, имѣя безпрестанно устремленные глаза на полумертвое тѣло своей благодѣтельницы. Еще до пріѣзда въ С. Петербургъ Великаго Князя Наслѣдника, Великіе Князья Александръ и Константинъ одѣты уже были въ мундиры тѣхъ баталіоновъ, коими они командовали въ модельномъ конекъ наслѣдника. Часовъ въ 5 по полудни Великій Князь приказалъ мнѣ спросить у Гр. Безбородки, нѣтъ ли какихъ дѣлъ, времени не терпящихъ и хотя обыкновенныя донесенія по почтовымъ дѣламъ и не требовали ли скораго рѣшенія? но Гр. Безбородко разсудилъ войти съ ними въ угловой кабинетъ, гдѣ и мнѣ Великій Князь приказалъ остаться. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью и ловкостью Гр. Безбородки, который недовольно по надписямъ указывалъ откуда пакеты, но и называлъ по имянно писавшихъ. Сіе не такъ окажется чрезвычайно, когда извѣстно что всѣ рапорты сіи были или отъ Генералъ Губернаторовъ или отъ Начальниковъ разныхъ мѣстъ, кои еженедельно присылали Вѣдомости къ Государынѣ для формы, предоставляя важнѣйшія интересныя дѣла для переписки съ Кн. Зубовымъ, Гр. Салтыковымъ и Генералъ Прокуроромъ. — При входѣ Гр. Безбородко съ бумагами, Великій Князь сказалъ ему, показывая на меня: „Вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня сокрытаго нѣтъ!“ — А когда Гр. Безбородко, окончивъ, вышелъ вонъ, то Великій Князь бывъ еще въ удивленіи, объяснился весьма лестно на его счетъ, примолвя: „Этотъ человѣкъ для меня даръ Божій! Спасибо тебѣ что ты меня съ нимъ помирилъ“ — Въ теченіи дня Великій Князь разъ 6 призывалъ

въ себѣ Кн. Зубова, разговаривалъ съ нимъ милостиво и увѣрялъ въ своемъ благорасположеніи. Отчаяніе сего временщика ни съ чѣмъ сравниться не можетъ! — не знаю какія чувства сильнѣе дѣйствовали на его сердце и душу, но увѣренность въ паденіи и ничтожествѣ изображалась не только на лицѣ его, но и во всѣхъ движеніяхъ . . . Проходя сквозь почивальню, останавливался нѣсколько разъ предъ тѣломъ Императрицы, громко рыдая. — Помѣщу здѣсь одно изъ моихъ примѣчаній. — Вошедъ въ комнату, называемую Дежурною, увидѣлъ я Князя Зубова, сидящаго въ углу; толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго, и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды! я послалъ лакея и подалъ самъ питья, въ коемъ отказывали ему тѣ самые которые сутки тому назадъ, на одной улыбкѣ его устроивали зданіе своего счастія, и та комната, въ коей давили другъ друга, чтобы къ нему приблизиться, обратилась для него въ необитаемую степь! . . .

Въ 9 часовъ по полудни, Рожерсонъ вошедъ въ кабинетъ въ коемъ сидѣли Великій Князь съ Великою Княгинею объявилъ что Императрица кончается; тотчасъ велѣно было войти въ опочивальню Великимъ Князьямъ и Великимъ Княжнамъ Александрѣ и Еленѣ, съ коими вошла и Штатсъ Дама Ливенъ, Кн. Зубовъ, Гр. Остерманъ, Гр. Безбородко, и Гр. Самойловъ. — Сія минута и до сихъ поръ и до конца моей жизни пребудетъ незабвенна! . . . по правую сторону стояли Великій Князь и Великая Княгиня съ дѣтьми, у головы, позванные въ комнату Плещеевъ и я, по лѣвую сторону, — Доктора, лѣкаря и вся услуга Императрицы. Дыханіе Ея сдѣлалось трудно и рѣдко; кровь, то бросалась въ голову, перемѣняя совсѣмъ черты лица, то опускаясь въ низъ возвращала ему естествен-

ный видъ. Молчаніе всѣхъ присутствующихъ, устремленные всѣхъ взгляды на единый важный предметъ, отдѣленный на сію минуту отъ всего прочаго, слабый свѣтъ въ комнатѣ, все сіе обнимало ужасомъ и возвѣщало скорое пришествіе смерти! Ударила первая четверть 11. часа . . . и Великая Екатерина, вздохнувъ въ послѣдній разъ, на ряду съ прочими смертными предстала предъ Судъ Всевышняго! . . . Казалось, что смерть пресѣкши жизнь Великой и нанеся своимъ ударомъ конецъ и великимъ дѣламъ Ея, оставило тѣло въ объятіяхъ сладкаго сна! . . . пріятность и величественность возвратились снова въ черты лица Ея и представили еще Царицу, *наполнявшую* Вселенную славою Своего Царствованія! . . . Сынъ Ея и Наслѣдникъ, склоня голову предъ тѣломъ, вышелъ, заливаясь слезами, въ другую комнату; почивальня, въ мгновеніе ока, наполнилась вопленъ женщинъ, служившихъ Екатеринѣ! . . . Какъ почтенна была тутъ любимица Ея Марья Савишна Перекусихина!... Бывъ *при ней долгое время безотлучно, достойно уважена* всѣми, пользуясь всею довѣренностію и неупотребляя оную никогда во зло, довольствуясь во все время двумя а иногда и одною комнатою во Дворцахъ, убѣгая лести а единственно занятая услугою и особой своей Государыни и благотворительницы! . . . съ жизнію Ея теряла счастіе и покой, оставалась сама въ *живыхъ, но для того* чтобы Ее оплакивать! Твердость духа сей почтенной женщины привлекла многократно вниманіе бывшихъ въ почивальнѣ. — Занятая единственно Императрицею, она служила Ей точно такъ, какъ будто въ ожиданіи Ея пробужденія, сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта матерію, поправяла то руки, то голову, то ноги, покоила тѣло Ея и не смотря что Им-

ператрица окончила бытіе свое, но Марія Савишна видимо оставалась у тѣла усопшей Государыни и духъ ея стремился въ слѣдъ за безсмертною душею Императрицы Екатерины! . . . Слезы и рыданія не простиралисъ далѣе той комнаты, гдѣ лежало тѣло Государыни. Прочія были наполнены людьми знатными и чиновниками, которые, во всѣхъ, какъ счастливыхъ такъ и несчастныхъ произшествіяхъ, заняты бываютъ единственно сами собою, а сія минута была для нихъ то, что Страшный Судъ для грѣшниковъ. Гр. Самойловъ, вышедъ въ дежурную комнату, натурально съ глупымъ лицемъ, хотя и тщетно принуждалъ изъявлять сожалѣніе, сказалъ: „Милостивые Государи! Императрица Екатерина скончалась, а Государь Императоръ Павелъ Петровичъ изволилъ войти на Престолъ!“ — Тутъ нѣкоторые (коихъ я не хочу назвать, не потому чтобы забыты мною были ихъ имена, но отъ живаго омерзѣнія, которое я къ нимъ питаю) бросились обнимать Гр. Самойлова и всѣхъ предстоящихъ поздравлять съ Императоромъ! . . . Оберъ Церемоній-мейстеръ Валуевъ, который всегда единственно занятъ церемоніей, пришелъ съ докладомъ, что въ придворной церквѣ все готово къ присягѣ. — Императоръ, со всею фамиліею, въ сопровожденіи всѣхъ съѣхавшихся во Дворецъ, изволилъ пойти туда. — Пришедъ, сталъ на Императорское мѣсто и всѣ читали присягу за Духовенствомъ, послѣ чего Императрица Марія, подошедъ къ Императору, хотѣла броситься на колѣна, но была имъ удержана, такъ какъ и всѣ дѣти. — Потомъ каждый цѣловалъ крестъ и Евангеліе и подписавъ имя свое, подходилъ къ рукѣ Императора. — По окончаніи присяги, Государь пошелъ прямо въ опочивальню покойной Императрицы, коей тѣло въ бѣломъ платьѣ положено было уже на кровать и Діа-

конѣ читалъ на оное Евангеліе. — По отданіи Ей поклона, спустя нѣсколько минутъ, Государь, возвращаясь *въ свои собственные покои*, позвалъ къ себѣ Ник. Петр. Архарова, что то у него спросилъ и, пришедъ въ кабинетъ, пока раздѣвался, призвалъ меня къ Себѣ и сказалъ: „Ты усталъ и мнѣ совѣстно, но потрудись пожалуста съѣздить къ Графу Орлову и приведи его къ присягѣ. Его не было во дворцѣ, а я не хочу чтобы онъ забывалъ 29. Іюня. Завтра скажи мнѣ, какъ у васъ сдѣлается!“ Тогда уже было за полночь и я, сѣвъ въ карету съ Архаровымъ поѣхалъ на Васильевскій островъ, гдѣ жилъ въ своемъ домѣ Гр. Алек. Григ. Орловъ. — Весьма бы я дорого далъ, чтобы не имѣть сего препорученія, не спавъ двѣ ночи, разстроенъ всѣмъ произшедшимъ и утомленъ менѣе тѣломъ, чѣмъ душою, исполняя поминутно одинъ въ теченіи сутокъ всѣ приказанія, бѣгая нѣсколько разъ чрезъ Эрмитажъ въ комнаты Ан. Степ. Протасовой, гдѣ во все сіе время была моя жена, преданная не словомъ но сердцемъ покойной Императрицѣ, въ столь горестномъ положеніи, что мое присутствіе было ей весьма нужно. — И. П. Архаровъ, не зная почти меня, по видя новаго временщика, не переставалъ говорить мерзости на счетъ Гр. Орлова, и такъ что я вынужденъ былъ сказать ему что наше дѣло привести Графа къ присягѣ, а остальное предоставить Богу и Государю. Я имѣлъ осторожность взять съ собою одинъ изъ печатныхъ листовъ присяги, подъ коимъ присягающіе по обыкновенію подписывали свои имена и сказалъ на отрѣзъ Архарову, который хотѣлъ своею милостивца и побѣдителя при Чесмѣ везти въ приходскую церковь, что я на сіе ни какъ ни соглашусь. — Мы нашли ворота запертыми; вошедъ въ домъ, я велѣлъ *первому появившемуся* къ намъ *человѣку*, выз-

вать камердинера Графскаго, коему сказалъ чтобъ онъ разбудилъ Графа и объявилъ о пріѣздѣ нашемъ. Архаровъ отъ нетерпѣнія или по какимъ-либо мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ, пошелъ въ слѣдъ за камердинеромъ и мы вошли въ ту комнату гдѣ спалъ Графъ А. Г. Орловъ. Онъ былъ нездоровъ уже съ недѣлю и не имѣлъ силъ долѣе оставаться во Дворцѣ, нѣсколько часовъ спустя по пріѣздѣ Государя во Дворецъ изъ Гатчина, поѣхалъ домой, легъ въ постель и спалъ крѣпкимъ сномъ; камердинеръ, добудясь его, сказалъ: Ваше Сіятельство! Николай Петровичъ Архаровъ пріѣхалъ!" — За чѣмъ? — Не знаю, а желаетъ говорить съ Вами." — Тогда Графъ велѣлъ надѣть себѣ туфли и сошелъ въ тулупѣ съ постели, спросивъ довольно грозно у Архарова: „За чѣмъ Вы, Милостивый Государь, въ эту пору ко мнѣ пожаловали?" — Архаровъ, подойдя къ нему, объявилъ, что онъ и я (называя меня по имени и отечеству) присланы для приведенія его къ присягѣ по волѣ Государя Императора. — „А Императрицы развѣ не стало?" — спросилъ Гр. Орловъ и получа въ отвѣтъ, что она скончалась, поднялъ глаза, наполнитыми слезъ къ небу, сказалъ: „Господи, помяни Ея во царствіи Твоемъ! вѣчная Ей память!" — потомъ продолжая плакать, говорилъ съ огорченіемъ что какъ Государь могъ усомниться въ его вѣрности? — что онъ служа Матери Его и Отечеству, служилъ и Наслѣднику Престола, что онъ присягаетъ ему Государю съ такимъ же чувствомъ какъ присягалъ и Наслѣднику Императрицы! . . . Все сіе заключилъ предложеніемъ итти въ Церковъ. Архаровъ тотчасъ, показалъ на сіе свою готовность, но я, взявъ уже тогда на себѣ первое дѣйствующее лице, просилъ Графа, чтобъ онъ въ Церковъ не ходилъ и что я привезъ присягу, на которой рукоприкладство его бу-

деть достаточно „Нѣтъ, Милостивый Государь! отвѣчалъ онъ мнѣ — я буду и хочу присягать Государю предъ образомъ Божіимъ!... — и снявъ самъ образъ со стѣны, держа зажженую свѣчу въ рукѣ, читалъ твердымъ голосомъ присягу и, по окончаніи, приложилъ къ ней руку. — За тѣмъ, поклонясь, мы оба пошли вонъ, оставивъ его въ покоѣ. — Не смотря на трудное положеніе Графа Орлова, я не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго движенія трусости или подлости. — Архаровъ завелъ меня въ домъ, гдѣ я жилъ, говоря во всю дорогу о притѣсненіяхъ, кои онъ вытерпѣлъ въ минувшее царствованіе, давая чувствовать, что онъ страдалъ за преданность его къ Государю. Кто его не зналъ, тотъ бы могъ на моемъ мѣстѣ подумать что онъ былъ гоимъ за твердость духа и честь.

Такимъ образомъ кончился послѣдній день жизни Императрицы Екатерины! сколь ни велики были дѣла Ея, а смерть слабо дѣйствовала надъ чувствами людскими; казалось что все было въ положеніи сбившагося съ дороги путешественника, но всякой надѣялся же ни попасть скоро. Всѣ, любя перемѣщенія, думали найти въ ней выгоды и всякой, закрывъ глаза и зажавъ уши, пускался бездушно разыгрывать снова безвинную лотерею слѣпаго счастія!...

15. Ноября 1796 года.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.